

А.С. Василенко*

A.S. Vasilenko*

**История эмоций
как метод исследования истории
Гражданской войны в Сибири**

**History of Emotions
as a Method to Study the History
of the Civil War in Siberia**

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-18

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-18

УДК 94(47).084.3

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Василенко А.С. История эмоций как метод исследования истории Гражданской войны в Сибири // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 224–236. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-18.pdf>

Vasilenko A.S. History of Emotions as a Method of Study the History of the Civil War in Siberia // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 224–236. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-18.pdf>]

Abstract. The article is devoted to consideration of concepts of the history of emotions and the potential for their inclusion in the study of the Civil War in Russia. Despite the fact that researchers have already attempted to study the emotional component of the conflict, thus far there are no works based on the conceptual and categorical apparatus of the history of emotions. The paper briefly describes the views of W. Reddy and B. Rosenwein, who not only rethought the concept of “emotion” in an interdisciplinary mode, filling it with cognitive content, but also developed a valid and convincingly substantiated conceptual apparatus in concrete historical studies. In addition, the works of P. and K. Sterns, M. Scheer are noted, the theoretical provisions of which also occupy a significant place in the general number of conceptual provisions developed in the field. The article also suggests the possibility of examining the information and propaganda activities of governments during the Civil War from the perspective of emotionally oriented practices. A number of questions of the emotional orientation of possible studies of confrontation are put forward. As a result, the author makes the assumption that the history of emotions expands the field of research questions, opens up scope for additional interpretation of military events. Nevertheless, the author is convinced that the history of emotion should contribute to a deeper understanding of historical processes and periods, and not become a separate discipline that replaces general history.

Keywords: history of emotions; Russian Civil War; Jan Plamper; Barbara Rosenwein; emotive; emotional community; emotional practices.

The article has been received by the editor on 30.09.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению концептуального аппарата истории эмоций и потенциальным возможностям их привлечения к исследованию Гражданской войны в Сибири. Несмотря на то, что историками ранее предпринимались попытки изучения эмоциональной составляющей этого конфликта, на сегодняшний день фактически отсутствуют работы, основанные на методологическом аппарате истории эмоций. В работе кратко описаны взгляды У. Редди и Б. Розенвайна, которые не только переосмыслили в междисциплинарном режиме концепт «эмоция», наполнив его когнитивным содержанием, но и разработали валидный и убедительно обоснованный в конкретно-исторических исследованиях концептуальный аппарат. Помимо этого, выделяются работы П. и К. Стернсов, М. Шир, теоретические положения которых также занимают значимое место в общем ряду концепций, разработанных в данной области. В статье рассматривается возможность изучения информационно-пропагандистской деятельности восточно-российских правительств в период Граж-

* Василенко Антон Сергеевич, аспирант, Томский государственный университет, Томск, Россия, e-mail: ya.antonvs@ya.ru

Vasilenko Anton Sergeevich, Graduate Student, Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: ya.antonvs@ya.ru

данской войны в качестве эмоционально ориентированных практик. Ставится ряд проблем возможных исследований Гражданской войны в Сибири в эмоциологической перспективе. В результате автор выдвигается предположение о том, что история эмоций позволяет расширить поле исследовательских вопросов, открывает простор для дополнительной интерпретации событий данного периода. Автор утверждает, что история эмоций должна способствовать углублению понимания исторических процессов, а не оформляться в качестве отдельной дисциплины, подменяющей собой общую историю.

Ключевые слова: история эмоций; Гражданская война в Сибири; Я. Плампер; Б. Розенвайн; эмотив; эмоциональное сообщество; эмоциональные практики.

Введение. История эмоций как междисциплинарное исследовательское направление, подход и методология в российской исторической науке по-прежнему представляются малоподвижными. В то же время в мировой науке уже некоторую историю имеют центры по изучению эмоций, проводятся конференции, успешно организуются и реализуются различные проекты, публикуются многочисленные тематические исследования. Так, еще в 2010 г. увидел свет сборник статей с участием Яна Плампера, Андрея Зорина и Шаммы Шахадат¹, в котором рассматривалась культурная история России под углом так называемого «эмоционального поворота». Причем особенно примечательным является то, что еще тогда зарубежные исследователи призывали российских коллег обратиться к изучению чувств в российской истории. К примеру, Ян Плампер, рассуждая о перспективах истории эмоций, отметил: «Внесет ли настоящий сборник свой вклад в развитие подобного поля в России? Мы на это надеемся»².

Всякая история просто потому, что творцом ее является человек, имеет эмоциональный аспект. История военных столкновений и, как следствие, культурно-символических, идеологических, мировоззренческих конфликтов может представлять отдельное исследовательское поле для изучения эмоций. Очевидно, что Гражданская война в России и в частности на ее восточных территориях не является исключением. На наш взгляд, эти исторические процессы могут стать новым предметным полем исследования истории эмоций. Понятийно-категориальный аппарат истории эмоций, на наш взгляд, нуждается не только в дополнительном апробировании, но и в проверке его возможностей и ресурсов для формирования качественно нового и самостоятельного знания, способного выдерживать исследовательскую критику. Особенно актуальным это видится на настоящем этапе, когда применительно к Гражданской войне в Сибири историография, двигаясь в рамках традиционных тематик, достигла своих «естественных пределов»: внешне новые исследования зачастую лишь воспроизводят уже формулировавшиеся ранее выводы.

Историографический аспект. Исследователями российской гражданской войны проделана и проделывается широкая работа по изучению различных аспектов этого грандиозного конфликта. Притом, например, при изучении методов ведения пропагандистской работы, как большевиками, так и антибольшевистскими властями на востоке страны, историки не могут не отмечать эмоциональных паттернов просто потому, что последние «лежат на поверхности». Поскольку история эмоций является направлением новым и, по-видимому, для многих исследователей достаточно чуждым, попыток рассмотреть конфликт с позиции имеющихся в данной области теоретических наработок не предпринималось.

Однако же неверно полагать, что историки не обращались к изучению чувств, психологических состояний применительно к истории Гражданской войны в Сибири. Так, в 1998 г. И.В. Курьшев был защищена диссертация «Социально-психологический облик крестьянства Западной Сибири в годы Гражданской войны»³. В этой работе исследователем

¹ Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. 512 с.

² Там же. С. 36.

³ Курьшев И.В. Социально-психологический облик крестьянства Западной Сибири в годы Гражданской войны (по материалам периодической печати): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1998. 219 с.

была предпринята попытка рассмотреть отношения крестьянства к различным правительствам, осуществлявшим власть на территориях Сибири, и представить динамику настроений крестьян. В частности, Курьшев пришел к выводу, что сибирский крестьянин к началу 1918 г. не успел еще осмыслить Октябрьскую революцию и пытался «отсидеться в своих разбросанных по необъятному краю деревнях от тревожащих его и непонятных событий»⁴. Историк и позднее продолжил изучать психологическое состояние крестьянства Сибири в период Гражданской войны⁵. В одной из статей он обратился к изучению девиантного поведения крестьянства⁶. Так, например, автор приходил к выводу об общей нравственной деградации деревни, выражавшейся в волне самосудов и грабежей, порубок и поджогов леса, убийств на почве мести, половой распущенности, алкогольной зависимости и ослаблении религиозно-нравственного чувства⁷.

Работы Курьшева представляют немалый интерес с точки зрения исследования истории эмоций. Подходы, выработанные данным направлением, ориентированы преимущественно именно на текстуальную природу эмоций. По словам А. Зорина, если эмоции не выражены в тексте, то с помощью имеющихся подходов «их просто не достанешь»⁸. Притом эмоций, не выраженных в текстах, не так уж и мало (в связи с чем Я. Плампер даже предложил разрабатывать «герменевтику тишины», ориентированную на изучение тональностей текста).

Кроме того, нельзя не отметить статью А.А. Мышанского, который еще в 2001 г. продекларировал необходимость социально-психологического изучения отношения населения к политическим акторам в годы Гражданской войны⁹. Борьба между большевиками и их противниками, по справедливому замечанию автора, не сводилась лишь к вооруженному противостоянию сторон. Гражданская война, считал историк, детерминировалась также социально-психологическим противостоянием. Благоприятное или негативное отношение населения к власти, отмечал автор, обуславливало внутреннюю устойчивость антибольшевистских правительств. В период Гражданской войны функционирование режима без поддержки со стороны массовых социальных групп было невозможно. В свою очередь, отношение населения к режиму могло служить также своеобразным индикатором эффективности проводившейся антибольшевистскими властями политики. Именно поэтому изучение роли социально-психологических факторов в истории Гражданской войны, настроений населения и его отношения к существовавшей власти приобретает существенное значение¹⁰. Помимо этого, Мышанский приходил к выводу, что настроение населения «белой Сибири» не являлось стабильным и подвергалось изменениям в зависимости от успеха или неуспеха на фронте. Так, во второй половине 1919 г. в условиях тяжелых поражений колчаковских армий на фронтах население тыловых городов, в полной мере ощутив бремя Гражданской войны, отказало Российскому правительству адмирала А.В. Колчака в своей поддержке.

Невозможно не обратить внимание на работы В.П. Булдакова, посвященные общероссийской проблематике. Помимо широко известной «Красной смуты»¹¹, относительно недавно им была опубликована специальная статья «Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России»¹². В этой работе автор отметил, что «поражение белых в Гражданской войне объясняется историками преимущественно аргументами “позитивистского ряда” (стратегия, экономика, ресурсы, вооружения), однако следует обращать внимание и на

⁴ Курьшев И.В. Социально-психологический облик крестьянства Западной Сибири... С. 33.

⁵ Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны: коллективная монография, посвященная 100-летию Российской революции и Гражданской войны. Ишим, 2018. 320 с.

⁶ Курьшев И.В. Печать 1918–1920 гг. о морально-правовых изменениях и девиантном поведении крестьянства Западной Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2012. № 1 (2). С. 85–97.

⁷ Там же.

⁸ Зорин А. История эмоций: публ. лекция [Электронный ресурс] // Полит.ру. [М.], 2004. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2004/06/18/zorin.html> (дата обращения: 17.04.2021).

⁹ Мышанский А.А. Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 109–136.

¹⁰ Там же. С. 110.

¹¹ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М., 2010. 967 с.

то, что Гражданская война, ставшая пиком системного кризиса империи, приобретала невиданный эмоциональный накал¹³. Булдаков ориентируется на словесное искусство рассматриваемого времени, «буквально пронизанное самыми разными эмоциями». В частности, историк обращает внимание на «заметный эмоциональный подъем» в антибольшевистской поэзии, связанный со становлением организованного антибольшевистского движения¹⁴. Причем важно заметить, что, по мнению историка, этот эмоциональный подъем сопровождался разными эмоциями. Например, автор отмечал «всплески оптимизма, не лишённые истеричности»¹⁵.

Любопытным представляется и используемый В.П. Булдаковым язык описания. В частности, историк отмечает «эмоциональную гамму», переживаемую «красными» после побед «белых» на фронте, с преобладанием, однако, «чувств ненависти и отчаяния». Помимо этого, автор фиксирует энергичное эмоциональное отношение «красных» к своим поражениям. Булдаков отмечает: «принадлежность к когорте большевиков несла подобие вечной жизни»¹⁶. Рассуждая об объективности отражения реалий революции и Гражданской войны в газетной поэзии, историк приходит к выводу, что «агрегированные образы массового сознания тех лет воспроизводятся вполне реалистично»¹⁷. По мнению автора, ни один источник не передает так ощутимо «мятущийся дух» того времени, притом без осознания «психоментальных оснований» революции, считает Булдаков, всякое исследование эпохи становится бессмысленным¹⁸.

В статье В.П. Булдакова нет ни единой адресации к детально разработанной методологии «истории эмоций». При этом довольно отчетливо фиксируется интенция исследовательского интереса, направленного на эмоциональную составляющую нарративов Гражданской войны. Если бы историк воспользовался категориями эмоциологических исследований («эмотивы», «эмоциональные практики»), то весьма вероятно взгляд на данные нарративы у исследователя был бы иным. Однако важно заметить, что, находясь в поиске эмоционально ориентированных нарративов, Булдаков работал со словесными конструкциями, казалось бы, прямым образом на эмоции не указывающими, с «эмоциональными метафорами». В этом и состоит в эмоциологической оптике заслуга автора, исследовательские действия которого выглядят созвучными теоретическим положениям представителя лингвистического направления изучения эмоций З. Кёвечеша, по мнению которого наиболее существенным источником знания об эмоциях являются слова, в особенности те, которые употребляются «в фигуральном, неявном и образном смысле»¹⁹. Помимо этого, важным достоинством работы В.П. Булдакова выглядит стремление автора обратиться к эмоциональному дискурсу, представленному в периодической печати, что выглядит как действие, соприродное одному из значимых треков развития истории эмоций²⁰.

Кратко рассмотрим ряд других работ, затрагивающих важность изучения психологической стороны Гражданской войны. В.А. Литвиненко в своей статье²¹ формулирует вопрос использования песен данного периода в качестве полноценного исторического источника. По мнению автора, «песни этого времени, их содержание и настроение могут служить

¹² Булдаков В.П. Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918–1920 гг.). // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: мат-лы междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). СПб., 2020. С. 199–210.

¹³ Там же. С. 201.

¹⁴ Там же. С. 203.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Булдаков В.П. Эмоциональные нарративы Гражданской войны... С. 204.

¹⁷ Там же. С. 209.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Kövecses Z. Creating metaphor in context // International Journal of Language and Culture. 2014. № 1 (1). P. 24.

²⁰ Плампер Я. История эмоций. М., 2018. С. 462.

²¹ Литвиненко В.А. Песни Гражданской войны как отражение морального духа противоборствующих сторон: историко-психологический анализ // Гражданская война в российской истории: взгляд через столетие: мат-лы Всерос. науч. конф. М., 2018. С. 171–182.

источником для историко-психологического изучения морального духа противоборствующих сторон, при этом во многом объясняя глубинные причины победы одних и поражения других»²². К поэтическим текстам Гражданской войны обращался и В.Ю. Даренский, который цель своей работы²³ видел в анализе текстов русской поэзии XX в., авторами которых являлись участники «белого» движения, на предмет выявления ценностных мотивов и нравственного сознания²⁴. Автор сделал вывод, что, в отличие от поэзии «красных», которая была тесным образом связана с определенной идеологией, поэзия их противников основывалась на «глубинных архетипах культуры»²⁵. Возможность использования источников личного происхождения для выявления эмоций предлагала в своей работе Е.Ю. Дубровская²⁶. Автор отметила, что источники личного происхождения позволяют проследить эмоциональные аспекты военного опыта «маленького человека»²⁷. В своей статье автор также не обращалась к понятийному аппарату истории эмоций. Соответственно, работа историка лишена методологических и теоретических оснований, выработанных в данной исследовательской области, и скорее носит описательный характер. Также характеристики заслуживает исследование А.В. Сушко, который в своей публикации обратился к рассмотрению природы и значению колчаковской пропаганды в годы Гражданской войны²⁸. Автор пришел к выводу, что в основе идеологии режима А.В. Колчака лежал «аффект страха».

В статье «Герой как чужой»²⁹ В.В. Журавлев во многом имплицитно затрагивает вопрос эмоционального воздействия на население «колчаковской» России. Автор среди прочего отметил, что «средства массовой информации, публичные церемонии и ритуалы, фотографии и плакаты делали образ А.В. Колчака знакомым и узнаваемым»³⁰. Однако они же, считает автор, «подчиняясь культурным и политико-идеологическим ориентирам группы, референтных режиму, отстраняли его от людей, а “элитный героизм” воспринимался населением как радикально и непреодолимо чужой»³¹. Помимо того, эмоциональные составляющие официальных лексем и их символическую роль исследователь отмечал в работе «Присяга на востоке России...»³².

Таким образом, мы видим, что некоторыми историками хоть и в ограниченных пропорциях, но осуществлялись попытки обратиться к рассмотрению чувств и отношений населения, социальных эмоций и практик воздействий на них в годы Гражданской войны. Это грандиозное противостояние оставило немало источников, пылающих чувствами и настроениями. Исследователи замечали те или иные, но прежде всего бросающиеся в глаза выражения общественных и индивидуальных чувств в поэзии, периодике, источниках личного происхождения, обращениях, присягах и т.д. Все это в совокупности может стать полезным материалом для изучения эмоций в данный исторический период. На эту тематическую область вполне может быть распространена характеристика общей источниковедче-

²² Литвиненко В.А. Песни Гражданской войны... С. 181.

²³ Даренский В.Ю. Отражение нравственно-психологических мотивов Белого движения в поэтическом творчестве // Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты: сб. ст. конф. Гражданская война на востоке России (1917–1922 гг.): люди, события, факты. Ижевск, 2018. С. 39–49.

²⁴ Там же. С. 41.

²⁵ Там же. С. 49.

²⁶ Дубровская Е.Ю. «...Тогда я сильно злобу питала...»: эмоции кризисных состояний в зеркале воспоминаний об интервенции и Гражданской войне в Карелии // Гражданская война и Российская провинция: современные восприятие, подходы и оценка: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2018. С. 229–235.

²⁷ Там же. С. 230.

²⁸ Сушко А.В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157.

²⁹ Журавлев В.В. Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагографией А.В. Колчака // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 48–69.

³⁰ Там же. С. 63.

³¹ Там же.

³² Журавлев В.В. Присяга на востоке России в период Гражданской войны: текстовая форма и идеологическое содержание // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 4. С. 210–221.

ской и историографической ситуации, данная А. Зориним: «того, что есть, уже хватит на десятки лет работы сотни людей».

Концептуальный аппарат истории эмоций. Принято считать, что история эмоций переживала три фазы становления: 1) главенство *универсалистских концепций (1940–1980-е гг.)*, суть которых сводилась к неизменности эмоциональных состояний в разных культурах, а также к историчности эмоций (утаиванию или, напротив, демонстрации некоторых чувств в разные периоды истории); 2) преобладание *социально-конструктивистских моделей (1980–1990-е гг.)*, идея которых заключалась преимущественно в том, что в иных культурах существуют разные категории чувствований и отличные выражения тех или иных эмоций. Иными словами, социальный конструктивизм сводится к тезису: «эмоции культурно детерминированы»; 3) *синтез универсализма и социального конструктивизма (с середины 1990-х гг.)*. Этот подход обусловил восприятие эмоций как состоящих из некоей неизменной основы и вариативной культурной оболочки. Таким образом, очевидно натяжение между двумя полюсами: социальным конструктивизмом – с одной стороны, универсализмом – с другой.

Начало 2000-х гг. было отмечено переходом к обобщающим исследованиям. Особенно заметными стали работы Уильяма Редди³³ и Барбары Розенвайн³⁴. Преимущественно в рамках трудов этих авторов был разработан ключевой концептуальный аппарат и язык описания эмоциологических исследований.

Уильям Редди. Эмоция в наименовании Редди – это когнитивный материал, который, во-первых, направлен на некую цель, во-вторых – переводится с высокой скоростью и остается «ниже порога внимания». Иными словами, эмоции – это когнитивная деятельность. Они имеют объект и часто остаются в подсознании. «*Эмотив*» – речевые акты, описывающие и изменяющие эмоции. «*Эмоциональный режим*» – это ансамбль предписанных эмотивов вместе со связанными с ними ритуалами и другими символическими практиками. Чаще «эмоциональный режим» трактуется как некий набор нормативных эмоций и ритуалов, методов и эмоциональных практик, которые служат их выражению и внушению. К примеру, публичная декларация любви к родине – пример такого эмотива и часть современного национального эмоционального режима. Важнейшим тезисом Редди является то, что каждый политический режим поддерживается эмоциональным³⁵. Эмоциональные режимы Редди делит на *строгие* и *нестрогие*. Строгие эмоции, по словам Редди, предлагают мощные инструменты управления эмоциями³⁶. Нежесткие или нестрогие режимы используют эмоциональную дисциплину только в определенных институтах (армия, школа, клир) только в определенные сезоны или на определенных этапах жизненного цикла³⁷. *Эмоциональная навигация* – это маневрирование между различными конфликтующими объектами, на которые ориентированы эмоции. По мнению Я. Плампера, книга Редди на сегодня является самой важной теоретической работой в области истории эмоций, во многом потому как он один из очень немногих историков, способных судить о качестве исследований, лежащих в основе статей, публикуемых в сфере когнитивных наук³⁸.

Барбара Розенвайн. В 2006 г. Б. Розенвайн опубликовала работу «Эмоциональные сообщества раннего средневековья», в которой представила несколько отличные от подхода У. Редди положения. Например, концепт «эмоциональное сообщество». В интерпретации Розенвайн, эмоциональные сообщества – это группы лиц, разделяющих одни и те же нормы в отношении выражения чувств и одинаково оценивающих одни и те же чувства³⁹. Розенвайн предлагает некую визуальную (круговую) картину сообществ. По мнению автора, *большой круг* – это самое крупное эмоциональное сообщество, скрепляемое фундамента-

³³ Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001. 396 p.

³⁴ Rosenwain B.H. Emotional communities in the Early Middle Ages. Ithaca, 2006. 228 p.

³⁵ Reddy W.M. The Navigation of Feeling... P. 129.

³⁶ Ibid. P. 126.

³⁷ Ibid. P. 125.

³⁸ Плампер Я. История эмоций... С. 425.

³⁹ Rosenwain B.H. Emotional communities... P. 228.

ными презумпциями, ценностями, целями, правилами чувств и принятыми способами выражения эмоций. *Меньшие круги* представляют подчиненные эмоциональные сообщества, входящие в большее и демонстрирующие его возможности и ограничения. Они, в свою очередь, также могут делиться на *более мелкие*. В то же время могут существовать другие крупные круги, либо полностью изолированные, либо пересекающиеся с ним в одной или нескольких точках⁴⁰. Помимо этого, автор ввела понятие «*текстового эмоционального сообщества*». В интерпретации Розенвайн, сообщества, как правило, это группы с достаточно близкими отношениями, подразумевающие часто личный контакт. Однако существуют и такие, в которых люди, никогда не встречаясь, связаны друг с другом средствами коммуникации. Такие сообщества историк и нарекла «*текстовыми*».

Считается, что заслуга Розенвайн в том, что эмоциональные сообщества позволяют избежать ловушки индивидуальности каждого случая и не ограничиваются отдельными эмоциями, не стремятся отождествлять нормы, отраженные в советах по этикету с эмоциональными нормами в принципе. Однако Розенвайн призывает историков к осторожности. «История эмоций, открывшая перед учеными завораживающие перспективы, не должна стать отдельной дисциплиной, подменяющей собой общую историю. Ее задача – способствовать углублению понимания исторических процессов и периодов»⁴¹.

Питер и Кэрл Стернсы. Концептуальные положения П. и К. Стерснов разрабатывались раньше понятийного аппарата Редди и Розенвайн. В середине 1980-х гг. история эмоций совершила большой скачок во многом благодаря опубликованной ими в *American Historical Review* статье «Эмоциология: разъяснение истории эмоций и эмоциональных стандартов»⁴². Стернсы предложили четко отделять индивидуальный эмоциональный опыт человека от эмоциональных норм (стандартов) и изучать преимущественно их⁴³. Эту область исследования авторы нарекли эмоциологией (используют также термин эмоциология). *Эмоциология* в понимании исследователей – это *установки, стандарты*, которые общество или поддающаяся определению группа в обществе поддерживает относительно базовых эмоций и подходящих способов их выражения. Также и то, как именно различные социальные институты отражают и поощряют эти установки в поведении людей⁴⁴. Таким образом, Стернсы призвали историков сконцентрироваться на изучении правил, регламентирующих выражение чувств в обществе или социальных группах. Особенно важными в таком контексте стали общеизвестные крупные социальные институты, такие как армия, семья, церковь, школа и т.п. Авторы отмечали кажущиеся сегодня понятными формулы, сводящиеся в общем и целом к тому, что именно в таких институтах демонстрируется эмоциональный образец, стандарт поведения в тех или иных социальных контекстах.

Моник Шир. Теория У. Редди получила дальнейшее развитие в работе М. Шир⁴⁵. Опираясь на понятия «практики» Бурдье, она ввела категорию «*эмоциональных практик*», обозначающую манипуляции тела и ума с целью либо вызвать чувства там, где их нет, либо сфокусировать диффузное возбуждение и придать ему понятную форму, либо уже возникшие эмоции изменить или устранить⁴⁶. Исследователь выделила четыре вида таких практик: *мобилизующие, именующие, сообщающие и регулирующие*.

Мобилизующие эмоциональные практики, с точки зрения Шир, осуществляются преимущественно не в одиночку, а вместе с кем-то и часто с использованием технических средств. *Именующие эмоциональные практики* – прежде всего речь и письмо, а также безмолвное воспоминание. *Эмотивы* тоже относятся к этой категории. Однако именующие практики

⁴⁰ Rosenwain B.H. Emotional communities... P. 24.

⁴¹ Rosenwain B.H. Problems and Methods in the History of Emotions [Электронный ресурс] // Passions in Context. 2010. № 1. P. 32. URL: <http://www.passionsincontext.de/index.php?id=557> (дата обращения: 24.09.2021).

⁴² Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology: clarifying the history of emotions and emotional standards // American historical review. 1985. Vol. 90, № 4. P. 813.

⁴³ Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology... P. 813.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Scheer M. Are emotions a Kind of Practice // History and Theory. 2012. № 51/2. P. 193–220.

⁴⁶ Ibid. P. 209.

сильнее выделяют различия между способами именованья – письменным, устным и мысленным⁴⁷. По мнению Шир, каждая эмоция уникальна, и при выстраивании типологий записать эмоцию в некую категорию можно только посредством именованья⁴⁸. *Сообщающие эмоциональные практики* используются при обмене информацией между людьми. Передача некоей «эмоциональной информации» включает в себя лица, жесты, интонации, позы, проявления (слезы, возбуждение, тяжелое дыхание)⁴⁹. Шир отмечает, что для эмоциональной коммуникации важно, чтобы послания принимались так, как было задумано, для этого нужно, чтобы отправитель правильно оценивал ситуативный контекст, участников коммуникации, их социальные ожидания⁵⁰. *Регулирующие эмоциональные практики* в интерпретации Шир очень напоминают эмоциологию Стернсов (эмоциональный стандарт), однако, по мнению Шир, регулирующие эмоциональные практики не только контролируют эмоции, но и делают их⁵¹.

Перечисленные теоретические положения являются не единственными в области, однако наиболее значимыми и концептуально выдержанными. Так, по мнению З. Чеканцевой, отмеченные авторы не только переосмыслили в междисциплинарном режиме концепт «эмоция», наполнив его когнитивным содержанием, но и разработали валидный и убедительно обоснованный в конкретно-исторических исследованиях концептуальный аппарат⁵². Теперь же предлагаем рассмотреть возможности применения данных положений на конкретном историческом материале Гражданской войны в России.

Гражданская война в России в контексте истории эмоций. Дискурсивный анализ эмоций, по мнению Я. Плампера, может стать другим возможным направлением истории эмоций⁵³. Каким образом разные дискурсы – психологический, философский, социологический, лирический, кинематографический – конструировали разные эмоции? Кроме того, им же обозначена роль прессы как важного источника для изучения эмоций. Перспективы, обозначенные немецким исследователем, являются весомыми в рамках изучения Гражданской войны.

Известно, что Гражданская война в России является многофакторным конфликтом. Так, например, В.В. Журавлев, рассуждая о сущности противоборства, отмечал: «Гражданская война представляется конфликтом не только армий, но и программ, не только программ, но и культуры»⁵⁴. В связи с этим достаточно отчетливо очерчивается идеологический аспект войны и ее важнейшая компонента. Идеология же, в свою очередь являвшаяся неким «проектом будущего», по-видимому, не могла не быть ориентирована, в том числе, и во многом на эмоциональную сферу обывателя. Соответственно, возникает исследовательское предположение: если в ходе противостояний идеологий неминуемым являлось и эмоциональное воздействие на объект, посредством чего это влияние осуществлялось? Здесь прежде всего следует констатировать роль осведомительной и пропагандистской работы, проводившейся и усилившейся в годы войны как со стороны «красных», так и со стороны «белых». В контексте пропагандистской деятельности и возникает один из вероятных предметов, в рамках которых история эмоций, на наш взгляд, имеет возможности включения.

Изучение пропагандистской деятельности Российского правительства адмирала А.В. Колчака в контексте истории эмоций открывает возможность интерпретации ее форм и методов с позиции эмотивов, ведущих к формированию некоего антибольшевистского

⁴⁷ Scheer M. Are emotions a Kind of Practice... P. 213.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid. P. 214.

⁵⁰ Ibid. P. 213.

⁵¹ Ibid. P. 216.

⁵² Историки в поисках новых перспектив. М., 2019. С. 348.

⁵³ Российская империя чувств... 2010. С. 34.

⁵⁴ Журавлев В.В. Политическая адаптация в Гражданской войне: опыт сравнительного анализа приветственных посланий населения Сибири председателю Совнаркома В.И. Ульянову-Ленину и Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 144.

эмоционального режима. Основной площадкой для эмотивов (речевых актов, усиливающих или видоизменяющих эмоции) является в широком смысле печатная продукция, включающая в себя периодическую печать, брошюры, декларации, листовки, воззвания, присяги и т.д. Таким образом, печатная продукция содержит в себе эмоции или, что чаще, явные следы их. Не всегда в таких источниках эмоции выражены прямо по типу: злость, радость, счастье и др. Эмоции чаще выражаются посредством различных эмоционально ориентированных языковых лексем, причем эти лексемы должны быть понятны адресату, соответствовать его социокультурному содержанию. Иными словами, адресат должен уметь определять оттенки направленных на него эмоций. В связи с этим пропагандистские брошюры, листовки, газеты могли содержать эмоционально ориентированные, а также культурно-символические речевые акты. Например, «большевистская зараза», «большевистское/белогвардейское иго», «большевистский зверь/дьявол/ад» и т.д., должно быть, ориентированы на явное иррационально-эмоциональное усвоение.

Продуцирование необходимых эмоций в годы Гражданской войны могло осуществляться и посредством символических практик, выраженных в форме культурно-массовых мероприятий. Например, нередко были празднования военных, церковных, памятных дат. Известно, что такие празднества сопровождались лекциями, концертами, представлениями, раздачей агитационной литературы. В таких обстоятельствах факт массовости мог выполнять особую эмоционально-программную функцию. Именно посредством его эмоциональная нормативность могла приобретать не индивидуальный, а коллективный характер. В условиях торжества обыватель находился в границах в том числе и своеобразного эмоционального сообщества, в рамках которого чувствование должно было приобретать одну и ту же детерминанту.

Изучение информационно-осведомительной работы правительств, активности средств массовой информации в период Гражданской войны позволяет выявлять разную интенсификацию идеологического дискурса. Так, например, анализ публикаций ряда газет, брошюр и листовок правительства А.В. Колчака, выпущенных осенью 1919 г., дает возможность констатировать, помимо всего прочего, усиление эмоциональной риторики. Причем как в политической пропаганде, так и в реальных практиках. Это могло быть связано с фактически постоянными неудачами на фронте, общей апатией и усталостью от войны. Кроме того, изучение пропагандистских источников, датируемых концом октября – началом ноября 1919 г., когда большевики находились на подступах к главному городу Белой армии, позволяет отмечать пик эмоциональной риторики. Особенно иллюстративны обращения. Например, Г.Н. Потанин выражал: *«Озверевшие, озлобленные, беспощадные, в крови и огне ворвались в родную Сибирь. Опасность великая, смертельная грозит стране, нашим семьям, нашему Государству. Я, дряхлый старик, но и я с радостью пойду туда, куда призовут меня, чтобы остаток дней и сил своих отдать на защиту горячо любимой мною Родины... Враг безумен и беспощаден; гибель и горе на его пути!»*⁵⁵. Речевых актов подобного эмоционального содержания в более ранних периодах зачастую совсем непросто отыскать. Это во многом позволяет выстраивать предположения о возможных «эмоциональных перегревах», свойственных периодам строгих эмоциональных режимов. Такие перегревы характеризуются состояниями, когда некогда нормативные эмоции вступают в противостояние с рядом других, вероятно, совсем противоположных чувств. В таком положении запускается перекодировка нормативности, что усиливает «эмоциональные страдания»⁵⁶ и создает почву для возникновения новых стандартов чувствований.

Таким образом, теорию эмотивов и эмоциональных режимов У. Редди, по нашему мнению, возможно использовать в разрезе рассмотрения социальной активности как большевистского правительства, так и антибольшевистских сил. Мы считаем, что такому масштабному конфликту, как Гражданская война, свойственна борьба и за эмоции,

⁵⁵ Воззвание почетного гражданина Сибири Г.Н. Потанина. К оружию, Граждане! «Граждане! Бандиты большевистские у ворот...». 1919. авг.-сент. 1 с. Электрон. версия печат. публ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_2087128/ (дата обращения: 15.09.2021).

⁵⁶ Концептуальная категория, выделенная У. Редди.

чувственно-ориентированное толкование событий. В связи с этим возникает потенциальная возможность исследователей рассматривать пропагандистские сообщения сквозь призму теоретических положений, выработанных в области. Вероятно, это позволит выявить лингвистические и лексические особенности воздействия на эмоциональность обывателя в годы конфликта.

Что касается теории Б. Розенвайна, то та, на наш взгляд, способна задать ряд важных исследовательских вопросов. Например, может ли ученый выделить антибольшевистское/большевистское эмоциональное сообщество? Если может, то где его границы? По каким источникам можно реконструировать эмоциональные сообщества? Могут ли исследователи выделить текстовые сообщества? Какие были практики чувствования у антибольшевистского/большевистского эмоционального сообщества? Наконец, в чем были их различия и можно ли найти причины победы большевизма в эмоциональной сфере?

Другой потенциальный вопрос может состоять в выявлении эмоционального стандарта. Можно ли говорить, что в годы Гражданской войны имели место быть какие бы то ни было базовые эмоциональные нормы и подходящие способы их выражения? Какую роль эмоциональные стандарты играли в идеологической политике противоборствующих сторон? Что могло стать воспитателем нормативности в условиях войны?

Таким образом, история эмоций позволяет расширить поле исследовательских вопросов, открывает простор для дополнительной интерпретации военных событий. Однако направление, на наш взгляд, не должно замыкаться. В этой связи следует согласиться с Б. Розенвайном, которая отметила: «история эмоций, открывшая перед учеными завораживающие перспективы, не должна стать отдельной дисциплиной, подменяющей собой общую историю. Ее задача — способствовать углублению понимания исторических процессов и периодов»⁵⁷. Мы считаем, что выдвинутые исследовательские вопросы имеют все основания наметить пути более глубокого понимания и более широкой интерпретации Гражданской войны в России.

Литература

Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 967 с.

Булдаков В.П. Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918–1920 гг.) // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: мат-лы междунар. коллокви. (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). СПб.: Нестор-История, 2020. С. 199–210.

Воззвание почетного гражданина Сибири Г.Н. Потанина. К оружию, Граждане! «Граждане! Бандиты большевистские у ворот...». 1919. авг.-сент. 1 с. Электрон. версия печат. публ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_2087128/ (дата обращения: 15.09.2021).

Даренский В.Ю. Отражение нравственно-психологических мотивов Белого движения в поэтическом творчестве // Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты: сб. ст. конф. Гражданская война на востоке России (1917–1922 гг.): люди, события, факты. Ижевск, 2018. С. 39–49.

Добровская Е.Ю. «...Тогда я сильно злобу питала...»: эмоции кризисных состояний в зеркале воспоминаний об интервенции и Гражданской войне в Карелии // Гражданская война и Российская провинция: современные восприятие, подходы и оценка: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2018. С. 229–235.

Журавлев В.В. Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагографией А.В. Колчака // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 48–69.

Журавлев В.В. Политическая адаптация в Гражданской войне: опыт сравнительного анализа приветственных посланий населения Сибири председателю Совнаркома

⁵⁷ Rosenwein B.H. Problems and Methods in the History of Emotions... P. 32.

В.И. Ульянову-Ленину и Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 121–144.

Журавлев В.В. Присяга на востоке России в период Гражданской войны: текстовая форма и идеологическое содержание // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 4. С. 210–221.

Зорин А. История эмоций: публичная лекция [Электронный ресурс] // Полит.ру. [М.], 2004. URL: <http://www.polit.ru/-lectures/2004/06/18/zorin.html> (дата обращения: 17.04.2021).

Историки в поисках новых перспектив / под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. 416 с.

Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны: коллективная монография, посвящ. 100-летию Российской революции и Гражданской войны / И.И. Кротт, П.А. Новиков, А.П. Шекшеев и др.; ред.-сост. И.В. Курьшев. Ишим: Изд-во ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2018. 320 с.

Курьшев И.В. Печать 1918–1920 гг. о морально-правовых изменениях и девиантном поведении крестьянства Западной Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2012. № 1 (2). С. 85–97.

Курьшев И.В. Социально-психологический облик крестьянства Западной Сибири в годы Гражданской войны (по материалам периодической печати): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1998. 219 с.

Литвиненко В.А. Песни Гражданской войны как отражение морального духа противоборствующих сторон: историко-психологический анализ // Гражданская война в российской истории: взгляд через столетие: мат-лы Всерос. науч. конф. / ред. Г.В. Талина. М.: МГПУ, 2018. С. 171–182.

Мышанский А.А. Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001: межвуз. сб. науч. тр. / ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2001. С. 109–136.

Плампер Я. История эмоций / пер. с англ. К. Левинсон. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 462 с.

Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. ст. / ред.: Я. Плампер, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 512 с.

Сушко А.В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157.

Kövecses Z. Creating metaphor in context // International Journal of Language and Culture. 2014. № 1 (1). P. 21–41.

Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001. 396 p.

Rosenwain B.H. Emotional communities in the Early Middle Ages. Ithaca, 2006. 228 p.

Rosenwein B.H. Problems and Methods in the History of Emotions [Электронный ресурс] // Passions in Context. 2010. № 1. P. 1–33. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.passionsincontext.de/index.php?id=557> (дата обращения: 27.09.2021).

Scheer M. Are emotions a Kind of Practice // History and Theory. 2012. № 51/2. P. 193–220.

Stearns P.N., Stearns C. Z. Emotionology: clarifying the history of emotions and emotional standards // American historical review. 1985. Vol. 90, № 4. P. 813–836.

References

Buldakov, V.P. (2010). *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red Troubles: the Nature and Consequences of Revolutionary Violence]: izd. 2-e, dop. Moscow, ROSSPEN, Fond “Przidentskiy tsentr B.N. El'tcin”. 967 p.

Buldakov, V.P. (2020). Emotsional'nye narrativy Grazhdanskoy voyny v Rossii (provintsial'naya gazetnaya poeziya, 1918–1920 gg.) [Emotional Narratives of the Civil War in Russia

(Provincial Newspaper Poetry, 1918–1920)]. In *Grazhdanskaya vojna v Rossii: zhizn' v epokhu sotsial'nykh eksperimentov i voennykh ispytaniy, 1917–1922*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 199–210.

Chekantseva, Z.A. (Ed.). (2019). *Istoriki v poiskakh novykh perspektiv* [Historians in Search of New Perspectives]. Moscow, Akvilon. 416 p.

Darenskiy, V.Yu. (2018). Otrazhenie nravstvenno-psikhologicheskikh motivov Belogo dvizheniya v poeticheskom tvorchestve [Reflection of Moral and Psychological Motives of the White Movement in Poetry]. In *Grazhdanskaya vojna v regionakh Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie, voenno-politicheskie i gumanitarnye aspekty: sbornik statey konferentsii Grazhdanskaya vojna na vostoke Rossii (1917–1922 gg.): lyudi, sobytiya, fakty*. Izhevsk, pp. 39–49.

Dobrovskaya, E.Yu. (2018). "...Togda ya sil'no zlobu pitala...": emotsii krizisnykh sostoyaniy v zerkale vospominaniy ob intervencii i Grazhdanskoy vojne v Karelii ["Then I was Very Angry...": Emotions of Crisis States in the Mirror of Memories of the Intervention and the Civil War in Karelia]. In *Grazhdanskaya vojna i Rossiyskaya provintsiya: sovremennye vospriyatie, podkhody i otsenka*. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 229–235.

Kövecses, Z. (2014). Creating metaphor in context. In *International Journal of Language and Culture*. No. 1 (1), pp. 21–41.

Krott, I.I., Novikov, P.A., Sheksheev, A.P., etc.; Kuryshev, I.V. (Ed.). *Krest'yanskiy protest v Sibiri v gody revolyutsii i Grazhdanskoy vojny: kollektivnaya monografiya, posv. 100-letiyu Rossiyskoy revolyutsii i Grazhdanskoy vojny*. (2018). [Peasant Protest in Siberia During the Revolution and the Civil War: a Collective Monograph, Dedicated. To the 100th Anniversary of the Russian Revolution and the Civil War]. Ishim, IPI im. P.P. Ershova (filial) TyumGU. 320 p.

Kuryshev, I.V. (1998). *Sotsial'no-psikhologicheskii oblik krest'yanstva Zapadnoy Sibiri v gody Grazhdanskoy vojny (po materialam periodicheskoy pechati)* [Socio-Psychological Appearance of the Peasantry in Western Siberia During the Civil War (Based on Materials from Periodicals)], dis. cand. hist. sci. Tomsk. 219 p.

Kuryshev, I.V. (2012). Pечат' 1918–1920 gg. o moral'no-pravovykh izmeneniyakh i deviantnom povedenii krest'yanstva Zapadnoy Sibiri v gody Grazhdanskoy vojny [Periodical Press 1918–1920 on Moral and Legal Changes and Deviant Behavior of the Peasantry of Western Siberia During the Civil War]. In *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P.P. Ershova*. No. 1 (2), pp. 85–97.

Litvinenko, V.A. (2018). *Pesni Grazhdanskoy vojny kak otrazhenie moral'nogo dukha protivoborstvuyushchikh storon: istoriko-psikhologicheskii analiz* [Songs of the Civil War as a Reflection of the Morale of the Warring Parties: a Historical and Psychological Analysis]. In *Grazhdanskaya vojna v rossiyskoy istorii: vzglyad cherez stoletie*. Moscow, pp. 171–182.

Myshanskiy, A.A. (2001). Otnoshenie naseleniya Sibiri k "belomu" rezhimu v period kolchakovshchiny [The Attitude of the Population of Siberia to the "White" Regime During the Kolchak Era]. In *Grazhdanskaya vojna na vostoke Rossii. Problemy istorii: Bahrushinskie chteniya 2001*. Novosibirsk, pp. 109–136.

Plamper, YA. (2018). *Istoriya emotsiy* [History of Emotions]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 462.

Plamper, Ya., Shakhadat, Sh., Eli, M. (Eds.). (2010). *Rossiyskaya imperiya chuvstv: Podhody k kul'turnoy istorii emotsiy* [The Russian Empire of the Senses: Approaches to the Cultural History of Emotions]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p.

Reddy, W.M. (2001). *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge. 396 p.

Rosenwain, B.H. (2006). *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca. 228 p.

Rosenwein, B.H. (2010). Problems and Methods in the History of Emotions [Electronic resource]. In *Journal of Passions in Context*. No. 1, pp. 1–33. Available at: <http://www.passionsin-context.de/index.php?id=557> (date of access: 27.09.2021).

Scheer, M. (2012). Are Emotions a Kind of Practice. In *Journal of History and Theory*. No. 51/2, pp. 193–220.

Stearns, P.N., Stearns, C.Z. (1985). Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards. In *Journal of American Historical Review*. Vol. 90, No. 4, pp. 813–836.

Sushko A.V. (2016). K voprosu o haraktere i znachenii kolchakovskoy propagandy v Grazhdanskoy voyne [On the Nature and Significance of Kolchak Propaganda in the Civil War]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 411, pp. 148–157.

(1919). *Vozzvanie pochetnogo grazhdanina Sibiri G.N. Potanina. K oruzhiyu, Grazhdane! "Grazhdane! Bandity bol'shevistskie u vorot..."* [Appeal of the Honorary Citizen of Siberia G.N. Potanin. To Arms, Citizens! "Citizens! Bolshevik Bandits at the Gates]. Available at: URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_2087128/ (date of access: 15.09.2021).

Zhuravlev, V.V. (2015). Politicheskaya adaptatsiya v grazhdanskoy voyne: opyt sravnitel'nogo analiza privetstvennykh poslanii naseleniya Sibiri predsedatelyu Sovnarkoma V.I. Ul'yanovu-Leninu i Verhovnomu pravitel'yu admiralu A.V. Kolchaku [Political Adaptation in the Civil War: the Experience of a Comparative Analysis of Greetings from the Population of Siberia to the Chairman of the Council of People's Commissars V.I. Ulyanov-Lenin and the Supreme Ruler Admiral A.V. Kolchak]. In *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka*. Novosibirsk, pp. 121–144.

Zhuravlev, V.V. (2018). Prisyaga na vostokey Rossii v period Grazhdanskoy voyny: tekstovaya forma i ideologicheskoe sodержanie [The Oath in Eastern Russia During the Civil War: Textual Form and Ideological Content]. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. T. 14, no. 4, pp. 210–221.

Zhuravlev, V.V. (2019). Geroy kak chuzhoy: nekotorye nablyudeniya nad imagografiyey A.V. Kolchaka [The Hero as a Stranger: Some Observations on the Imagography of A.V. Kolchak]. In *Novoe proshloe*. No. 1, pp. 48–69.

Zorin, A. (2004). Istoriya emotsiy: publichnaya lektsiya [History of Emotions: Public Lecture]. In *Polit.ru*. [Moscow]. Available at: URL: <http://www.polit.ru/-lectures/2004/06/18/zorin.html> (date of access: 17.04.2021).

Статья поступила в редакцию 30.09.2021 г.